

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370

УДК 82.01

Научная статья / Research article

М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае

Мэнцю Ма

*МГУ-ПИИ в Шэньчжэнь,
Китай, 518172 Шэньчжэнь, район Лунган, ул. Гоцзидасюэюань, 1
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1
✉ 2584786603@qq.com*

Аннотация. Проведены исследования состояния восприятия идей М.М. Бахтина в современном Китае. Выбор данного периода объясняется тем, что в последние десятилетия китайские исследователи начали поиски истоков идей Бахтина. Если некоторые отстаивали идею западного происхождения теории Бахтина, то большинство китайских ученых связывало идеи Бахтина с контекстом славянской традиции и православия, в частности, с идеей соборности. Это, безусловно, открыло перед нами новый простор для дальнейших исследований. Автор дает обобщенную характеристику изучения связей идей Бахтина с русской традицией, отмечая, что исследования китайских ученых по этому направлению сосредоточены на разных аспектах: одни обсуждают влияние соборности на творческое сознание Достоевского, структуру художественных произведений и полифоническую идею Бахтина, другие пишут о карнавале как о русском явлении у Бахтина, третьи говорят о христианской антропологии и психологии в творчестве Бахтина, четвертые делают сравнительный анализ идей Бахтина как русского мыслителя и западной философии. Показано, как М.М. Бахтин воспринимался извне, из иной перспективы и культурной традиции, благодаря чему его идеи начинают обогащаться новыми смыслами и коннотациями. Автор приходит к выводу о том, что концепция «соборность» имеет сходство с исторически сложившимся как традиционная ценность китайского народа коллективизмом, поэтому китайские ученые легко приняли концепцию «соборность».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, русская традиция, православие, соборность, полифоническая идея, карнавал, христианская антропология, коллективизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Шэньчжэня и университета МГУ-ПИИ в Шэньчжэне.

История статьи: поступила в редакцию — 12 марта 2022 г.; откорректирована — 12 апреля 2022 г.; принята к публикации — 17 мая 2022 г.

Для цитирования: *Ma Мэнцю.* М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 359–370. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370>

Bakhtin as a Bearer of the Russian Tradition: On the Current Status of the Reception of Bakhtin’s Thought in China

Mengqiu Ma

*Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road, Longgang District, Shenzhen, 518172, PRC
Lomonosov Moscow State University,
GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉2584786603@qq.com*

Abstract. This article aims to study the current status of the reception of Bakhtin’s thought in China. The choice of this period is explained by the fact that in recent decades Chinese researchers have begun to search for the origins of Bakhtin’s thought. While some have insisted on a Western origin of Bakhtin’s theories, most Chinese scholars have linked Bakhtin’s thought with the Slavic tradition and the Russian Orthodox Church, in particular, with the concept of “sobornost”. This opened up new opportunities for further research. In this article, the author gives an overview of the research on the relationship between Bakhtin’s thought and the Russian tradition, noting that Chinese scholars’ research in this area is focused on various aspects: some discuss the influence of the idea of “sobornost” on the creative consciousness of Dostoevsky, the structure of literary works and Bakhtin’s polyphonic thought; others write about the phenomenon of “carnival” as a Russian phenomenon in Bakhtin; while others talk about Christian anthropology and psychology in Bakhtin’s works, or make a comparative analysis of Bakhtin’s thought and Western philosophy. This article shows how M.M. Bakhtin was perceived from another perspective and cultural tradition, which enriched his ideas with new meanings and connotations. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the concept of “sobornost” has similarities with collectivism, which has historically developed as a traditional value of the Chinese people. Therefore, Chinese scholars easily understood the concept of “sobornost”.

Keywords: M.M. Bakhtin, Russian tradition, Orthodoxy, sobornost, polyphonic idea, carnival, Christian anthropology, collectivism

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The reported study was funded by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Article history: submitted: March 12, 2022; revised: April 12, 2022; accepted: May 17, 2022.

For citation: Ma, Mengqiu. (2022). Bakhtin as a bearer of the Russian tradition: On the current status of the reception of Bakhtin's thought in China. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 359–370. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-359-370>

Новое восприятие М.М. Бахтина в Китае — поиски истоков идей Бахтина

Несомненно, что влияние выдающегося российского мыслителя М.М. Бахтина распространилось намного шире русской гуманитарной традиции. Его идейное наследие давно стало предметом широкого изучения мировой науки. В Китае восприятие М.М. Бахтина начало распространяться с начала 1980-х. Изначально Бахтин достиг берегов Китая под парусами Достоевского, что сформировало в глазах китайцев образ ученого как исследователя творчества Достоевского. По мере расширения и углубления исследования Бахтин был принят как литературовед, лингвист и эстетик. Дальше китайцы осознали, что он также мыслитель, культуролог и философ.

Исследование творчества Бахтина началось на Западе, и Бахтина часто связывали с немецкой философской традицией XX века. В работе «Бахтин и Запад» русский ученый В.Л. Махлин утверждает, что Бахтин на Западе более понятен и принят, поскольку идеи русского мыслителя восходят к Когену, Гуссерлю, Шелеру (Махлин, 1993, с. 94–114). Вопреки взгляду Махлина В.В. Кожин настаивает на религиозности Бахтина. Отмечая поверхностный характер утверждений Махлина, Кожин полагает, что диалогическая идея Бахтина брала свое начало с Ниловой «беседы» с Богом (Кожин, 1993, с. 123–124).

Основные идеи Махлина и Кожина были представлены в статье, которая была написана китайским исследователем Сяо Ду под названием «Поиски истоков учения Бахтина» и опубликована в четвертом номере китайского журнала «Обозрение зарубежной литературы» за 1994 год. Однако данная статья тогда не привлекла внимание других исследователей. С наступлением нового века восприятие научного наследия Бахтина в Китае углубилось, и ученых интересовали уже не только базовые положения теории Бахтина, но и приложимость ее к разнообразным культурным контекстам. Китайские исследователи хотели найти что-либо оригинальное в бахтинских идеях. Постепенно начали попадать в поле зрения китайских исследователей сами истоки бахтинских идей, и многие китайские ученые связывали идеи Бахтина с контекстом славянской традиции и православия.

Взгляд на Бахтина как на специфически русского мыслителя был не привычен для советского литературоведения. Тем важнее и интереснее проследить, как он воспринимался из иной перспективы и культурной традиции. Тем более что сам Бахтин никогда не ставил себя в православную или славянофильскую парадигму. Далее мы приведем примеры рецепции Бахтина одними из наиболее авторитетных китайских исследователей.

Главные аспекты исследований китайскими учеными

Рассмотрев различные концепции авторов научных трудов, мы пришли к выводу, что исследования китайских ученых сосредоточены на разных аспектах.

Дискуссии по проблематике «Достоевский — Бахтин — полифонический роман — соборность»

Созданная М.М. Бахтиным теория полифонического романа почти целиком строилась на интерпретации творчества Достоевского. Достоевский оказал существенное влияние на Бахтина, и Бахтин воспринял многие идеи Достоевского. Не понимая Достоевского, нельзя понять Бахтина.

В Китае о Достоевском писали много, к нему подходили с разных точек зрения. Особенно большое внимание китайские исследователи обращают на исследование философских идей писателя. Немало китайских исследователей рассматривают Достоевского как истинного православного, отмечая, что идея соборности оказывает влияние на творческое мышление писателя и структуру художественных произведений. В Китае многими исследователями Бахтина стали те, которые занимались изучением творчества Достоевского. Поэтому они проанализировали и влияние соборности на полифонические идеи Бахтина.

Соборность — это свободное единство в любви. По Хомякову, основной принцип общения людей в лоне православной церкви заключается именно в соборности. «Христианство есть не что иное, как свобода во Христе» (Хомяков, 1900, с. 198). В католицизме и протестанстве Хомяков нашел только внешнее единство и внешнюю свободу.

На основе идеи соборности создаются разные связи между людьми, которую можно обозначить схемами:

Последователь Хомякова Самарин полагает, что «социальная и общинная жизнь древней Руси представляла собой воплощение принципа соборности» (Лосский, 1991, с. 40–41). Сам Хомяков говорит: «Аристократический режим воинственных народов чужд славянам, которые составляют земледельческую нацию. Мы всегда останемся демократами, отстаивающими идеалы гуманности» (Лосский, 1991, с. 41).

Влияние соборности на творческое сознание Достоевского и полифонические идеи М.М. Бахтина

Русский ученый И.А. Есаулов пишет, что «православный код поэтики Достоевского столь очевиден, что не может не возникнуть закономерный вопрос, который нельзя обойти в пределах нашей работы: почему создатель теории полифонического романа не эксплицировал категорию соборности при изучении именно поэтики данного автора ни в одном из двух изданий своей знаменитой книги?» (Есаулов, 1995, с. 130). Однако при этом Есаулов не связывает соборное мышление Достоевского с теорией полифонического романа, где при равноправии всех голосов в бесконечном диалоге атеист оказывается столь же неопровержим, как и верующий.

Бахтин писал свои книги в определенной исторической ситуации. Создавая теорию полифонического романа, он уделял внимание «глубинным и устойчивым структурным моментам художественного видения Достоевского» (Бахтин, 2002, с. 7), проводил исторические параллели между полифоническим романом, мениппеей и карнавалом, но не выяснял связь поэтики Достоевского с религиозными убеждениями и общественным идеалом писателя. То «главное», о чем Бахтин умолчал, привлекло внимание многих исследователей. Сам Бахтин признавался С.Г. Бочарову, что ему приходилось «оговорить» Церковь и что по необходимости он умолчал о «главных вопросах» (Бочаров, 1993, с. 72).

В работе «Соборность в творчестве Ф.М. Достоевского» китайский ученый Чжан Цзе указывает, что «Бахтин определил роман Достоевского как полифоническую художественную структуру, но сознательно избежал ее религиозных источников, а в действительности глубинная причина формирования художественной структуры полифонического романа заключается именно в сознании соборности писателя» (Чжан, 2010, с. 73).

Исследователь Гуань Юеэ в работе «Православная концепция „соборность“: с точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики» отмечает, что исток полифонической идеи Бахтина может быть усмотрен в принципе соборности и общинной культуры, поскольку в основе соборности лежит свобода и единство в множестве, и в полифонических романах «соборность» проявляется в том, что «множественность равноправных и неслиянных голосов и сознаний сочетается в единство некоторого события», сохраняя свою самостоятельность» (Гуань, 2018, с. 57).

Здесь следует особо отметить работы профессора Ван Чжигэна, исследование которого является очень представительным. По мысли Ван Чжигэна, Достоевский был защитником православно-христианских ценностей и противником западного социализма и либерализма, его подозрение к западному миру, зараженному католической и протестантской идеей, основывалось на понимании всеобщей отчужденности и разобщения людей на Западе, поэтому он питал надежду на славянскую идею, выдвинув идею спасения мира силой русского братства. Анализируя влияние соборности на творческое сознание Достоевского, Ван Чжигэна пишет, что «в художественном мире Достоевского существует как взаимное, так и единое пространство, основанное на любви, что делает возможным свободу личности, а свобода может быть основана только на соблюдении заповедей, и только такая свобода значимая» (Ван, 2003, с. 113). С этим многие китайские исследователи согласны.

Ван Чжигэн также отмечает, что если Достоевский высказал свои мысли о соборности в созданном им художественном мире, то Бахтин создал единое диалогическое пространство, в котором каждый имеет единственное время и место и каждый отвечает другим с того единственного места-времени, которое он занимает в бытии. «Если в диалоге какой-то голос абсолютно авторитетен, и тем самым всевластно определяет и уродует другие голоса, то этот диалогический мир становится механическим и мертвым, поэтому единое диалогическое пространство Бахтина возникает только в процессе взаимного общения» (Ван, 2020, с. 40–41).

Таким образом, китайские исследователи не увидели идеологических противоречий там, где они существуют для русских критиков Бахтина, рассматривая полифонический роман как порождение соборной православной культуры.

Карнавал как русское явление у Бахтина

По мнению некоторых китайских ученых, даже бахтинская интерпретация феномена карнавала обусловлена парадигмой христианской культуры, и в частности русско-византийской, где шутовство могло принимать формы юродства как одного из канонов святости.

Исследователь Сун Чуньсян в работе «Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина» связывает юродство как феномен русской культуры с карнавальным комизмом, отмечая, что, «несмотря на четкую разницу между юродством и карнавальным шутовством, бахтинский карнавал вбирает в себя оба начала» (Сун, 2008, с. 138–139).

Исследователь Чжоу Вэйчжун отметил близость амбивалентности карнавала и свойств двух природ Христа. О возможности этого сближения свидетельствует его статья «Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа». В статье автор пишет: «Одной из основных черт карнавала Бахтин считает амбивалентность, вся символика карнавала основывается на прин-

ципе амбивалентности: все вариации карнавального „ада“ амбивалентны; карнавальный смех сугубо амбивалентен; гротескные образы строят двутелое тело; в площадной речи хвала и брань отнесены к какому-то единому, но двутелому телу... Бахтинская идея о амбивалентности карнавала, скорее всего, истекает из представления о соединении двух природ в одной Личности Христа» (Чжоу, 2008, с. 122).

Профессор Цзи Минцзюй проанализировал связи культурологических идей Бахтина с русской традицией. По его мнению, увлечение Бахтина средневековой карнавальная культурой связано с органическим усвоением им идеи народности, укорененной не только в западно-европейской, но и русской национальной культуре, эстетических идеалах и специфике народного мышления, которую глубоко усвоил исследователь. Согласно Цзи Минцзюй, бахтинское представление о народности брало свое начало от идей славянофилов, которые решительно выступили за расцвет всех наций и народностей, рассматривали народ как единственного хранителя старинных преданий и верований.

Христианская антропология и психология в творчестве М.М. Бахтина

Китайские исследователи также говорили о христианской антропологии и психологии, изучали ее в творчестве Бахтина.

В работе «Исследование принципа человеческой субъективности Бахтина» Вэнь Хао указывает, что для православной антропологии характерно глубокое понимание сложности и загадочности человека и принцип двойственности природы человека, и в творчестве Бахтина идеи православной антропологии нашли отражения (Вэнь, 2007).

На взгляд исследователя Ян Яня, при изучении специфики поэтики Достоевского Бахтин черпал идеи из православных богословов, которые глубоко переживали проблемы противоречивости человеческого бытия, воспринимали человеческую разорванность как следствие грехопадения. В статье «Полифония в православном понимании» исследователь отмечает, что Бахтин гениально услышал разные голоса героев Достоевского, в своей книге о Достоевском он дал описание диалога «я» и «ты» и диалогизованного внутреннего монолога героев (Ян, 2013).

В работе «Религиозная сущность отношений между автором и героем в теории полифонии» исследователь Чэн Цзиньхай аргументирует мысль о том, что «активность новой авторской позиции в полифоническом романе Достоевского имеет сходство с активностью Бога в отношении человека» (Чэн, 2002, с. 55). По его мнению, модель диалогических отношений между Богом и человеком оказывает влияние на Бахтина, и данная модель имеет явственное антропологическое звучание: Бог пришел в мир, вступил в свободное общение с человеком, и человек освободился из духовного плена, стал рядом со своим творцом.

Сравнительный анализ идей русского мыслителя Бахтина и западной философии

В начале XX века марбургское неокантианство оказало большое влияние на российскую философию. Некоторые ранние работы Бахтина могут рассматриваться как своего рода диалог с неокантианством. Сам Бахтин в беседах с Дувакиным отметил, что в молодости глава марбургского неокантианства оказал на него огромное влияние.

Можно заметить, что Бахтин относился к германской культуре мышления с большим пиететом. Однако, отмечая, что едва ли идеи западных мыслителей стали для Бахтина основополагающими, некоторые китайские исследователи сделали сравнительный анализ идей Бахтина как русского мыслителя и западной философии.

Исследовательница Чжан Синь выразила свое согласие с мнением русского ученого В.В. Кожина о том, что для Бахтина характерно «органическое слияние систематичности, объективности, последовательности немецкого философского мышления и вселенской широты и глубины русского духовного творчества» (Кожин, 2000, с. 124–126). Чжан Синь указывает, что Бахтин наследовал основные идеи русской религиозной философии, в то же время заметил «недозрелость» и непоследовательность русского философствования, поэтому он принял ту модель термина и аналитическую форму, которые будто более понятны и приняты на Западе. Однако Чжан Синь подчеркивает, что Бахтина никак нельзя считать мыслителем западного типа, поскольку «Западная Европа уделяет большое внимание разработке логического способа познания и рациональности и игнорирует отношения между людьми, в западной культуре подчеркивается монологичность западного сознания, тема личного героизма нашла широкое отражение в западной литературе» (Чжан, 2008, с. 281).

В работе «Влияние русской религиозной философии на создание теории романа Бахтина» Чжан Синь выясняет влияние русского религиозного возрождения XX века на Бахтина, анализирует философские предпосылки создания теории полифонии и теории диалога. Согласно Чжан Синь, идеи Бахтина тесно связаны с традицией русской религиозной философии. Она рассматривает «Другой-для-меня» Бахтина как конкретизацию идеи соборности, отмечая, что Хомяков описал идеальные отношения между людьми, но не конкретно указал, как добиться этого идеала, а Бахтин восполнил этот пробел в философии. Чжан Синь отмечает также, что в полифонических романах Достоевского, где диалогическая позиция осуществлена до конца произведений, отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между героем и автором (Чжан, 2003).

Профессор Сяо Цзиньюй в монографии «Металингвистика М.М. Бахтина» аргументирует мысль о том, что существование человека, жизнь по Бахтину — это постоянное общение, диалог, не только внешне выраженный,

но и внутренний, не прерываемый никогда и смертью Другого. Автор убедительно пишет о том, что «для Бахтина особой значимостью обладает Другой, независимая личность, в общении с которой имеют место не только согласие, но и несогласие (однако не догматическое), не только понимание, но и непонимание (однако не категоричное)» (Сяо, 2007, с. 2). Автор также отмечает, что если для Г. Гадамера важно «что» говорить, то для Бахтина, русского мыслителя, значителен акцент на том, «кто говорит» и «кому» предназначена диалогическая речь (Сяо, 2007, с. 3).

Профессор Цзи Минцзюй указывает, что «Бахтин не первым выдвинул концепцию диалога, еще со времен Сократа и Платона в форме диалога выступила философская рефлексия» (Цзи, 2002, с. 22). Концепцию диалога Бахтин выдвинул во второй половине 20-х годов XX века в книге о Достоевском. К тому времени диалогизм уже существовал как самостоятельное направление в западной философии. Однако, как отмечает Цзи Минцзюй, диалогизм Бахтина самобытен потому, что, будучи этикой и онтологией, он при этом выступает в качестве способа бытия человека. В работе «М.М. Бахтин и славянофильский характер его теории» Цзи Минцзюй пишет: «В своих концепциях М.М. Бахтин развивает идею диалога как основы бытия, где отношения взаимности, обращенности, участия являются необходимыми признаками человеческого существования. Бахтин обращает особое внимание на взаимозависимость и взаимосвязь между людьми. В его понимании само бытие человека — это непрерывный диалог с Другим. Другой является для нас некоей ценностью, и занимает незаменимое место в нашей жизни» (Цзи, 2008, с. 52–53).

По мысли Цзи Минцзюй, идеи Бахтина имеют сходство с философскими взглядами славянофилов, которые ценили соборное объединение личности, и резко контрастируют с экзистенциальным взглядом на дружость. Он также указывает, что в полифонических романах Достоевского Бахтин нашел открытые для разных людей христианские церкви, там есть грешники и праведники, нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные, там происходит «общение неслиянных душ» (Бахтин, 2002, с. 34). На основании анализа Цзи Минцзюй приходит к выводу, что М.М. Бахтин, как типичный русский интеллигент и мыслитель, вобрав в себя дух русской нации, принадлежит к числу славянофилов.

Хотя существует и мнение, что идеи западных мыслителей стали для Бахтина основополагающими, но, заметив существенные различия между идеями Бахтина и западной философией, большинство китайских исследователей отстаивают русско-православный характер идей Бахтина.

Заключение

Несомненно, что идейное наследие М.М. Бахтина является настоящим сокровищем для всего мира. Теория Бахтина своей оригинальностью, разнообразием и открытостью привлекает к себе все больше новых китайских

ученых. В последние десятилетия многоязычное междисциплинарное общение воздействовало на расширение пространства мышления и углубление рецептивного исследования. Китайские исследователи начали свое путешествие к истокам идей Бахтина, и многие сделали выводы о том, что религиозность Бахтина не была выражена в отчетливой форме, но может проявляться опосредованно. Они связывали идеи Бахтина с русской традицией и православием, с идеей соборности. Быть может, это объясняется тем, что концепция «соборность» имеет сходство с китайским коллективизмом. В Китае коллективизм имеет глубокие исторические корни. Социально-экономическая автономность в Древнем Китае определила особый вид коллективизма — добровольный коллективизм, который оформился не в результате давления надстройки общества во имя блага общества, а как выражение доброй воли индивидов, их потребности в эмоциональной сплоченности. Поэтому китайские исследователи легко приняли концепцию «соборность». Хотя в процессе осмысления и принятия Бахтина имеется широкий диапазон интерпретаций его взглядов, иногда по отношению друг к другу прямо противоположных, однако, как сказал В.Н. Захаров, «самое ценное у Бахтина не выводы, а сам процесс творческого размышления» (Захаров, 2012, с. 89).

Библиографический список

- Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970 гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 71–72.
- Ван Чжигэн.* Общий смысл Достоевского и Бахтина // Литература и культура. 2020. № 3. С. 34–41. [王志耕. 巴赫金与陀思妥耶夫斯基的共同意义. 文学与文化. 2020. 第3期. 34-41页.]
- Ван Чжигэн.* Соборность и полифоническое искусство Достоевского // Обозрение зарубежной литературы. 2003. № 1. С. 110–120. [王志耕. “聚合性”与陀思妥耶夫斯基的复调艺术. 外国文学评论. 2003. 第1期. 110–120页.]
- Вэнь Хао.* Исследование принципа человеческой субъективности Бахтина. Чанша: Хунаньский пед. ун-т, 2007. [文浩. 巴赫金主体性思想初探. 长沙: 湖南师范大学, 2007.]
- Гуань Юэз.* Православная концепция «соборность»: с точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики // Исследование зарубежной литературы. 2018. № 2. С. 55–63. [管月娥. 东正教的“聚合性”理念与复调小说和结构理论. 外国文学研究. 2018. 第2期. 55–63页.]
- Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995.
- Захаров В.Н.* Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индикс, 2012.
- Кожин В.В.* Бахтин и его читатели. Размышления и отчасти воспоминания // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 120–134.

- Кожин В.В. Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2000.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991.
- Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 94–114.
- Сун Чуньсян. Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина. Пекин: Народный университет Китая, 2008. [宋春香. 狂欢的宗教之维——巴赫金狂欢理论研究. 北京: 中国人民大学, 2008.]
- Сяо Цзиньюй. Металингвистика М.М. Бахтина. Шанхай: Изд-во Жэньминь, 2007. [萧净宇. 超越语言学. 上海: 上海人民出版社, 2007.]
- Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1900.
- Цзи Минцзюй. М.М. Бахтин и славянофильский характер его теории // Русское литературоведение. 2008. № 1. С. 48–53. [季明举. 巴赫金及其理论的斯拉夫性质. 俄罗斯文艺. 2008. 第1期. 48–53页.]
- Цзи Минцзюй. Утопические диалоги // Русское литературоведение. 2002. № 3. С. 22–25. [季明举. 对话乌托邦. 俄罗斯文艺. 2002. 第3期. 22–25页.]
- Чжан Синь. Бахтин и русская религиозная философия // Культура и поэтика. 2008. № 2. С. 278–291. [张欣. 巴赫金与俄罗斯宗教哲学. 文化与诗学. 2008. 第2期. 278–291页.]
- Чжан Синь. Влияние русской философии на создание теории романа Бахтина. Пекин: АОНК, 2003. [张欣. 从对话看宗教因素对巴赫金小说理论的影响. 北京: 中国社会科学院研究生院, 2003.]
- Чжан Цзе. Соборность в творчестве Ф.М. Достоевского // Исследование зарубежной литературы. 2010. № 5. С. 73–78. [张杰. 陀思妥耶夫斯基小说创作艺术的“聚合性”. 外国文学研究. 2010. 第5期. 73–78页.]
- Чжоу Вэйчжун. Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа // Вестник Северо-восточного пед. ун-та. 2008. № 3. С. 118–124. [周卫忠. 狂欢人格的双重性与基督位格的双重性. 东北师大学报. 2008. 第3期. 118–124页.]
- Чэн Цзиньхай. Религиозная сущность отношений между автором и героем в теории полифонии // Вестник Чэньчжоуского пед. ун-та. 2002. № 4. С. 55–59. [程金海. 复调理论中作者与主人公关系的宗教意味. 郴州师范高等专科学校学报. 2002. 第4期. 55–59页.]
- Ян Янь. Полифония в православном понимании // Критика идей христианства. 2013. № 16. С. 147–160. [杨砚. 东正教信仰中的复调诗学. 基督教思想评论. 2013. 第16期. 147–160页.]

References

- Bakhtin, M.M. (2002). *Collected Works in 7 Volumes* (Vol. 6. The Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of 1960–1970). Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.).
- Bocharov, S.G. (1993). About one Conversation and Around it. *New Literary Review*, (2), 71–72 (In Russ.).
- Cheng, Jinhai (2002). The Religious Implication of the Relationship Between the Author and the Protagonist in Polyphonic Theory. *Bulletin of Chenzhou Ped. un-t*, (4), 55–59. (In Chinese).

- Esaulov, I.A. (1995). *The Category of “Sobornost” in Russian Literature*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publ. (In Russ.).
- Guan, Yuee (2018). The Orthodox Concept of “Sobornost”: From the Perspective of Polyphonic Novel and Structural Poetics Theory. *Foreign Literature Studies*, (2), 55–63. (In Chinese).
- Ji, Mingju. (2008). Bakhtin and the Slavophil Character of his Theory. *Russian Literary Criticism*, (1), 48–53. (In Chinese).
- Ji, Mingju. (2002). Utopian Dialogues. *Russian Literary Criticism*, (3), 22–25. (In Chinese).
- Khomyakov, A.S. (1900). *Complete Collection of Works* (Vol. 2). Moscow (In Russ.)
- Kozhinov, V.V. (1993). Bakhtin and His Readers. Reflections and Partly Memories. *Dialog. Karnaval. Hronotop*, (2-3), 120–134. (In Russ.)
- Kozhinov, V.V. (2000). *Victories and Troubles of Russia*. Moscow: Algorithm publ. (In Russ.)
- Losskij, N.O. (1991). *History of Russian philosophy*. Moscow: Soviet writer publ. (In Russ.)
- Mahlin, V.L. (1993) Bakhtin and the West (An attempt at a general Orientation). *Questions of Philosophy*, (3), 94–114. (In Russ.)
- Song, Chunxiang. (2008). *Religious Dimension of “Carnival”: On Bakhtin’s Theory of “Carnival”*. Beijing: RUC publ. (In Chinese).
- Wang, Zhigeng (2020). The Shared Significance of Dostoevsky and Bakhtin. *Literature and Culture*, (3), 34–41. (In Chinese).
- Wang, Zhigeng (2003). “Sobornost” and the Polyphonic Art of Dostoevsky. *Review of Foreign Literature*, (1), 110–120. (In Chinese).
- Wen, Hao (2007). *Research on Bakhtin’s Subjectivity Thought*. Changsha: Hunan Ped. un-t. (In Chinese).
- Xiao, Jingyu. (2007). *Mikhail Bakhtin’s Metalinguistics*. Shanghai: Renmin publ. (In Chinese).
- Yang, Yan (2013). Polyphony in the Orthodox Understanding. *Criticism of Christianity*, (16), 147–160. (In Chinese).
- Zaharov, V.N. (2012). *Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Zhang, Xin (2008). Bakhtin and Russian Religious Philosophy. *Culture and Poetics*, (2), 278–291 (In Chinese).
- Zhang, Jie (2010). “Sobornost” in the Art of Dostoevsky’s Fiction Writing. *Foreign Literature Studies*, (5), 73–78. (In Chinese).
- Zhang, Xin (2003). *The Influence of Russian Philosophy on the Creation of Bakhtin’s Theory of Novel*. Beijing: AOHK (In Chinese).
- Zhou, Weizhong (2008). The Ambivalence of Carnival and the Two Natures Jesus Christ. *Bulletin of the Northeast Ped. un-t*, (3), 118–124. (In Chinese).

Сведения об авторе:

Ma Мэнцю, аспирант кафедры истории русской истории, МГУ-ПНИИ в Шэньчжэне, МГУ. ORCID ID: 0000-0002-9381-6943; e-mail: 2584786603@qq.com

Bio note:

Mengqiu Ma, Postgraduate Student of the Department of the History of Russian Literature, Shenzhen MSU-BIT University, MSU. ORCID ID: 0000-0002-9381-6943; e-mail: 2584786603@qq.com